

© 2017 г. К. Джункова
г. Санкт-Петербург, Россия

ВЛИЯНИЕ ЧЕШСКИХ БИБЛЕЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ НА ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ, А ТАКЖЕ ВЕНГЕРСКИЕ БИБЛЕЙСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Аннотация: Чешский язык был первым из отдельных славянских языков, на который в XIV в. была полностью переведена, а позднее и напечатана (конец XV в.), Библия. Этот перевод стал руководством как для славянских, так и для других языков. Польские переводчики псалтырей, мамотректов и Библии королевы Софии (1455) пользовались чешскими оригиналами. С началом книгопечатания чешские переводы протестантской (гуситы, Чешские братья) и католической конфессии достигли наивысшей популярности. Экземпляр чешской печатной Библии Я. Гада (1545) послужил образцом для первого рукописного перевода Нового Завета (1548) на нижнелужицкий (местами это и совсем неизменный чешский текст). Чешская Библия 1506 г., изданная в Венеции, оказала влияние на Ф. Скорину, который в 1517–1519 гг. издал в Праге некоторые книги Библии на белорусском изводе церковнославянского языка. Чешские библейские тексты использовались как пособие также при обработке библейских чтений XVI–XVII вв, а именно Пересопницкого Евангелия (1556–1561), Послания ап. Павла к Лаодикийцам в галицко-русской рукописи (XVI в.), Песни Песней XV в. Чехизмы встречаются и в первом венгерском переводе Библии, «Huszita Biblia», который осуществили в XV в. венгерские ученые, обучавшиеся в Карловом университете в Праге. Чешскому влиянию приписывается и появление первых переводов Святого Писания на румынский язык.

Ключевые слова: библейский перевод, чешская Библия, Владимир Кыас, гуситское движение, Чешские братья.

Информация об авторе: Катарина Джункова — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: katarina.dzunkova@seznam.cz

Дата поступления статьи: 21.07.2016

Дата публикации: 15.03.2017

Интерес к феномену чешской Библии не угасает и по сей день. Этому способствуют многие факторы, о некоторых из которых мы хотели бы поговорить ниже. Чешский язык — первый из отдельных славянских языков,

на который Библия была полностью переведена уже во второй половине XIV в. [20]¹. Именно Пражскую Библию (1488) можно назвать первой, напечатанной на живом славянском языке. Это обстоятельство ставит чешский язык в один ряд с итальянским, немецким и валенсийским языками, на которых Библия печаталась ранее. С феноменом чешского библейского перевода связано и появление новых грамматических пособий — в 1533 г. появляется Чешская грамматика Бенеша Оптата, утравкистского священника, переводчика Нового Завета по Э. Роттердамскому (филологические сочинения о чешском языке существовали и раньше, например, трактат «Orthographia Bohemica» времен Яна Гуса²). Феномен чешской Библии включает в себя и глаголическую пражскую Библию, записанную, вероятно, монахами из Далмации, приглашенными в пражский бенедиктинский Эммаусский монастырь в XIV в. Одним из особо значимых памятников связанным с феноменом чешской Библии, является Библия Венцеслава («Wenzelsbibel»), шеститомное рукописное иллюминированное издание Ветхого Завета на немецком языке, созданное по заказу короля Венцеслава IV в конце XIV в.

Мнения о динамике развития древнечешского языка разнятся. Одни ученые говорят о плавной трансформации древнецерковнославянского языка чешского извода (в Сазавском монастыре велось богослужение на старославянском языке вплоть до 1096 г.), однако другие, такие как, например, Йосеф Добровский и Йосеф Вашица, пишут о формировании самостоятельного чешского языка [6]. Потребность переводов с латинского языка подталкивала развитие чешской литературы. Это подтверждают переводы сочинений «Legenda Aurea» или «Meditationes vitae Christi» во второй половине XIV в., которые считаются началом чешской прозы.

1. Влияние на польский библейский перевод

Корни влияния чешского библейского перевода на польский мы можем найти в более широком культурном влиянии XIV–XV вв. средневековой чешской культуры на польскую. Существовала даже пословица «*Vzácen je Bohu Čech jako latiník*» — «*Богу ценный Чех как латинист*» [8, с. 48]. В польских памятниках этого времени мы находим много богемизмов, свидетельствующих охождении чешского языка среди представителей высших прослоек общества, а именно в Силезии, которая служила для чешского языка своеобразными въездными воротами в польскую культурную среду. Интерес к чешскому языку возрастал в польской среде и в XVI в. во время появления протестантизма.

С точки зрения библейского перевода важна Библия королевы Софьи (польск. Zofia Holszańska, польская королева 1405–1461). Библия 1453–

¹ Зарождение чешской Библии мы можем наблюдать уже раньше, псалтыри и Четвероевангелие («Evangeliář») были переведены в начале XIV в. О чешской духовной культуре свидетельствуют и «глоссы Ягича», чешские глоссы в латинской Библии XI или XII вв. сохранились в Вене. Й. Вашица допускает возможность существования еще более ранних переводов отрывков Евангелия, о чем свидетельствует совпадение глосс Ягича в некоторых местах с чешским библейским переводом XIV в.

² Авторство Яна Гуса не подтверждено. Рукопись обнаружил Франтишек Палацкий в 1827 г. Его автором мог быть и бенедиктин Ян из Голешова, автор филологического рассуждения о гимне «Hospodine, pomiluj nu».

1455 г. представляет собой самый древний перевод Ветхого Завета на польский язык. Библия находилась до XVIII в. в библиотеке кальвинистской коллегии в Шарошпатаке в Венгрии. Ее самым значимым исследователем во второй половине XX в. был Станислав Урбанчик [19]. Библию изучал и филолог, литературовед и просветитель Й. Добровский, который определил ее как перевод с чешского оригинала на польский язык. Чешский библеист Владимир Кыас определил ее переводчика как полонизатора чешского текста. Однако выявить конкретный оригинал чешской рукописной Библии сложная задача, поскольку чешская Библия существует в нескольких десятках рукописей, которые до сих пор не были полностью обработаны. Из чешских текстов XV в. сохранились: 21 полный перевод Библии и 9 неполных рукописей Ветхого Завета, причем некоторые из рукописей находятся за пределами Чехии [11]. По итогам исследования Кыаса, польский переводчик не пользовался единым чешским оригиналом. Местами польскому тексту соответствуют тексты I типа редакции, как Библия кунштатская, Ветхий Завет Карда и Ветхий Завет Палффийский, и тексты II типа редакции, как Микуловская Библия и так называемая Библия мельничихи.

Некоторые следы указывают на возможный оригинал чешской рукописной Библии, на Палффийский Ветхий Завет, которому соответствуют в Библии королевы Софьи некоторые схожие выражения, например:

Быт. 23: 13: «*Quaeso, ut audias me. Dabo pecuniam pro agro*».

Библия Бочека, Библия Духека, Кунштанская Библия, Ветхий Завет Карда, ВЗ Замоиских и т.д.: «*Proši přielišně, aby mě uslyšal. Dám' peniaze za to pole*».

Ветхий Завет Палффийский: «*Proši přielišně, dám' peniaze za to pole*».

Библия королевы Софьи: «*Prossyq przelystnye damczy pyenyqdzze zato pole*» [11].

Кроме переводов самого библейского текста, польские авторы пользовались чешскими оригиналами также в случае так называемых мамотректов (лат. *mammotrectus*), подборок толкований к разным библейским текстам, объединенных в словарных сводах [21]. Самый древний польский мамотрект 1426 г. был издан в 1899 г. из рукописи, сохраненной в публичной библиотеке Санкт-Петербурга. Автор мамотректа обращался к чешскому оригиналу, который Кыас определил как один из группы похожих мамотректов: клементинский, микуловский, капитульный и венский. По строению польский мамотрект более всего похож на капитульный мамотрект, поскольку его предисловия к ветхозаветным книгам так же расположены в конце [12, с. 185]. На чешском языке сохранилось тринадцать рукописных мамотректов словарного характера.

Хотя в течение времени интерес к чешской Библии постепенно утих, переводчики все еще обращались к ней в начале эпохи реформации. Польский лютеранский теолог, поэт, редактор Ян Малецки, который перевел на польский язык Новый Завет, оказывал предпочтение чешским формам слов — например, «*jenž*» вместо «*który*», «*dufanie*» вместо «*ufanie*», потому что «*lingua Polonica a lingua Bohemica orta est*» [16, с. 28]. Нормой считал грамматику Оптата.

Протестантский переводчик Библии XV в. Томаш Лысы из Збрудзева пользовался при переводах Библией Северына (1529), но богемизмы строго отделял от польских понятий [13].

Можно увидеть также и определенное влияние Библии Мелантриха (1549) на польскую Библию Леополиты (1561), в которой появляется небольшое количество новых богемизмов. Дальше богемизмы можно обнаружить в Библии Вуйка. Со второй половины XVI в. чешское влияние уже слабеет, хотя есть еще свидетельство о Кралицкой Библии как пособии по переводу Гданьской Библии (1632). Наоборот, высокий уровень польского протестантского перевода мог стать вдохновением для чешских переводчиков. Например, епископ Братской едноты Ян Благодислав положительно оценил польскую гуманистическую Брестскую Библию (1563) [16, с. 16].

2. Влияние на лужицкий библейский перевод

Чешские библейские переводы также повлияли и на лужицкие языки. Ведь до конца XVIII в. именно религиозно-библейские тексты представляли (за редким исключением) представляли лужицкую письменность. Обсуждать языковой вопрос Лужицы сложно, поскольку в этой области до конца XVII в. писали на местных диалектах: будишинский — язык верхнелужицких протестантов (1670 г. — Евангелие от Матфея и Марка, 1706 г. — Новый Завет М. Френцеля, 1721 г. — грамматика), куловский — язык верхнелужицких католиков (кодифицирован в грамматике Тицина 1679 г.), котбусский — язык нижнелужицких протестантов (Новый Завет Фабрициуса 1709 г., грамматика Гауптмана 1761 г.).

Поскольку в 1319–1369 гг. Лужица входила в состав королевства Богемия, лужицкие священники, вероятно, пользовались чешскими рукописями литургических текстов и песен, о чем свидетельствуют богемизмы в церковной терминологии. Прямой контакт с чешским библейским переводом установился после реформации. Новый Завет на лужицкий язык перевел Миклавш Якубица (Mikławš Jakubica) в первой половине XVI в., который был, как Лютер, бывшим членом ордена августинцев. Перевод Якубицы является одним из первых переводов сочинений Лютера. Хоть к этому времени уже распространилось книгопечатание, перевод остался в рукописной форме. Причиной его неудачи могли быть большие расходы на печать, страх, что периферийные диалектологические черты его языка не найдут отклика во всей Нижней Лужице или негативное отношение немецкого духовенства к издательской инициативе славян [14, с. 20]. По мнению Кыаса, автор пользовался вторым изданием Нового Завета Яна Гада 1545 г., которое является переработкой Библии Северына 1537 г. Это подтверждает послесловие издания с примечаниями орфографические мелочи: Иак 3: 8 «*nebo gest nezbedné zlee*» (Я. Гад) — «*ned ie nezbedne zlee*» (М. Якубица) [10, с. 370]. Я. Гадв этом месте пользовался двойным «*ee*» из-за выполнения строки, а в издании 1538 г. использовалась форма «*zlé*». Якубица ошибку скопировал.

Чешской Библией пользовался и М. Френцель, который в 1670 г. издал перевод Евангелия от Матфея и от Марка на протестантском верхнелужицком языке. Иезуит Я. Тицин в предисловии к своим переводам катехизиса указал на употребление чешской орфографии [14, с. 39].

3. Влияние на восточнославянские библейские переводы

Чешская Библия была замечена и в библиотеке великого литовского князя в Вильне *«реестр чешских книг: Непервей книга Бѣблѣя Книга Пасея»* — значит, это мог быть пассионал (*passional*) или изложение Святого Писания постилла (*postilla*), вероятно протестантского происхождения. Присутствие чешских книг мы находим и в библиотеке ставропигиального братства во Львове или в библиотеке Супрасльского монастыря в Беларуси (XVII в.) [1, с. 163–164]. В 1679 г. в Московскую типографическую библиотеку был куплен экземпляр Библии на чешском языке 1556 г. Исследователь А. В. Флоровский сообщает о рукописи чешской Виттенбергской псалтыри XIV в., на внутренней стороне переплета которой находилась надпись: *«Господи, Спаси Царевича, За Вѣру и Вѣр'ность»*. Значит, речь может идти о московском царевиче, и упомянутая рукопись могла находиться в области русско-польского общения [1, с. 165].

Исключительным примером чешского влияния на восточнославянские библейские переводы, точнее переводы на церковнославянский язык с западнорусскими или старобелорусскими изменениями, является Библия Франциска Скорины из Полоцка. В 1517–1519 гг. Скорина напечатал в Праге Библию под названием «Библия руска». Возможно, что к этой мысли привели его богатые пражские горожане, которые на собственные средства издали Венецианскую Библию «*Bible benátská*» (1506). Послужить образцом ему могли и пражские евреи, у которых уже в XVI в. была развитая традиция книгопечатания и с книгопечатанием которых имеют общие черты некоторые гравюры Скорины (например, гравюры ангелов из Пятикнижия). И с транскрипцией гебраизмов в Библии Скорина также познакомился среди пражских евреев. По мнению Добровского, Скорину мог привести в Прагу тот факт, что после смерти чешского и венгерского короля Владислава Ягеллона опекуном его сына остался польский король Сигизмунд. При переводческой работе он не имел в Праге в своем распоряжении церковнославянских переводов и по этой причине пользовался чешской Венецианской Библией. По исследованиям Инны Вернер Скорина мог пользоваться и чешскими рукописными библиями. Каждое «западнславянское» слово, использованное Скориной, нужно рассматривать критически, потому что они являлись не только богемизмами, но и инновацией западнорусского языка.

Лев. 11: 13–19, 29, 30: «*сагана*», «*суна*», «*калуса*», «*кокодриль*» (Переводы Скорины); «*Sahana*», «*Supa*», «*Kaluse*», «*Kokodril*» (Венецианская Библия, 1506); «*морьского орла*», «*сухолапля*», «*врана ноцнаго*», «*коркодил-земный*» (Геннадиевская Библия, 1499).

Прит. 14: 15: «*Глупии каждому слову верить*» (Переводы Скорины), «*Nlirú každému slowi wierzij*» (Венецианская Библия), «*Незлюбивъ вѣру иметь всякому словеси*» (Геннадиевская Библия) [1, с. 173–176].

В исследовании А. В. Флоровского упоминается еще несколько восточнославянских памятников, в которых можно наблюдать чешские следы: Пересопницкое Евангелие (1556–1561); апокрифическое Послание апостола Павла к Лаодикийцам XVI в., обнаруженное в библиотеке Креховского монастыря в Львовской области, и рукопись Песни песней из XV в., со-

храненная в Московской синодальной библиотеке, которая была написана на малорусском языке того времени.

Архиепископ Новгородский Геннадий в 1499 г. перевел первые две книги Маккавеев из Вульгаты с помощью доминиканского монаха Вениамина, «родомъ словѣнина, а вѣрою латиняна». В 1580 г. редакторы Острожской Библии изучили рукопись Геннадия, но не нашли в нем Третью книгу Маккавеев. Острожская Библия упомянула чешское пособие. В книге Иер. 46: 25 находим странную формулировку: «се азъ постѣщу нагъ лукъ Александрійскіи анафараона...». Добровский нашел объяснение в Библии Северына (1529), где читаем: «*au ya nawsstijewijm na hluk Alexandrynskij: a na Faraona u na Egipt*» [1, с. 243]. Библия Северына содержит ошибочно слитно написанные слова «*nahluk*» вместо «*na hluk*», что, по-видимому, переводчикам не было понятно, и это переписали как: «*нагъ лукъ*». Чешские источники у создателей Геннадиевской Библии рассматривает дальше В. А. Ромодановская, следам чешского источника в двух западнорусских рукописных переводах Песни Песней посвящены исследования А. А. Алексеева, чешскими источниками в переводах Ф. Скорины занимается И. В. Вернер.

Конечно, влияние чешского библейского перевода на Библию восточных славян нельзя переоценивать, но, вероятно, чешская Библия служила переводчикам примером перевода Библии на живой народный язык.

4. Влияние на хорватскую духовную письменность

Известные связи с чешским библейским переводом можно найти только в глаголической письменности хорватских монахов, приглашенных в XIV в. в Прагу. Были переведены на старославянский язык хорватской редакции Житие святых вроде «Золотой легенды» («*Legenda aurea*»), трактат Бонавентуры («*De perfectione vitae*»), проповеди Я. Гуса, текст «*Zrcadlo člověčieho sprasenie*» и др. По мнению некоторых исследователей, в этих переводах присутствует несколько богемизмов, которые заканчиваются на чешские суффиксы (например, «*-stvo*», «*-telny*»), а также абстрактные понятия, названия качеств, или слова тесно связанные с эпохой [5, с. 52].

5. Влияние на словацкий библейский перевод

В случае со словацким библейским переводом было бы интересно исследовать возможное влияние Библии св. Вацлава как источника на так называемую Камальдулскую Библию второй половины XVIII в., которая является первым библейским переводом на словацкий язык. По исследованию В. Олейника переводчики рукописной Библии могли быть иезуитами, а не камальдулами. Автор обнаружил присутствие чешских Библий в разных церковных библиотеках в Словакии [17].

Кралицкая Библия оказала на словацких протестантов такое огромное влияние, что практически помешала развитию словацкого протестантского перевода. Словацкие протестанты долго пользовались т.н. библейским чешским языком «*biblická čeština, bibličtina*» с добавленным словацких элементов. В среде словацких протестантов полный словацкий протестантский перевод заменил Кралицкую Библию только в 1978 г.

6. Влияние на венгерский библейский перевод

В XV в. в Карловом университете учились студенты из Королевства Венгрия. Их точное количество сейчас определить тяжело, поскольку некоторые считались принадлежащими к чешскому народу преимущественно из-за того, что это могли быть славяне с севера или с юга Венгрии. Свидетельств о студентах из нынешней северной Хорватии несколько. Историк Пал Тот-Сабо пишет, что венгерские студенты принимали участие в публичных дискуссиях и распространяли учение Гуса и вне Праги [9, с. 137]. В 1420 г. гуситы безуспешно требовали у короля Сигизмунда публичную аудиенцию, на которой хотели доказать истинность Пражских артикулов на четырех языках, включая венгерский. Гуситское учение оставило следы и в Трансильвании, где его распространил выпускник Карловского университета Блажей из Каменицы, и где в 1437 г. вспыхнуло крестьянское восстание [2, с. 83].

Первый перевод Библии на венгерский язык, так называемая Гуситская Библия (*Huszita Biblia*), сохранился в трех рукописях: Мюнхенский кодекс (Новый Завет), Венский кодекс (Ветхий Завет) и Кодекс Апора (псалмы). Этот перевод XV в. является первым переводом Библии на угро-финский язык. Францисканская хроника начала XVI в. сообщает, что переводчиками были два еретических священника, которые позже проповедовали в Молдавии. Ересь заключалась именно в неправильном переводе Святого Духа, где слово «*lélek*» заменялось словом «*szellem*» [4, с. 15]. Некоторые исследователи считают, что ересь, касающаяся божественной сущности Святого Духа, может состоять и в т.н. боснийской церкви — богомилах. Существуют мнения, согласно которым текст Библии сакрален и его переводчиками могли быть сами францисканцы или премонстранты [18].

Ласло Гадрович (*Laszló Hadrovics*) отождествил переводчиков текста со священниками из Сремской Каменицы, которые стояли во главе гуситов, покидающих Чехию и направляющихся в Молдавию. В литературной истории их определили как Тамаш Печи (*Récsi Tamás*) и Балинт Уйлаки (*Újlaki Bálint*). Согласно чешским источникам: в начале XV в. в Праге среди студентов из южных областей Королевства Венгрия учились также и Томас (*Thomas de Quimque Ecclesiis*) и Валентинус Де (*Valentinus de Vylak*). Свое исследование Гадрович основывает на анализе текста и определении чешских и немецких оригиналов, которыми могли пользоваться переводчики. Из чешских источников принимаются во внимание Библия оломоуцкая и Библия дрезденская I редакции и из псалтырей Подебрадская псалтырь (1396). Гадрович приводит перечень славянских заимствований в венгерском тексте, которые согласуются с использованными понятиями в чешских оригиналах. Здесь нужно строго различать собственно чешское влияние и раннеславянское заимствование в венгерском языке. Есть случай, где венгерский переводчик пользуется славянским словом, отличающимся от чешского перевода, напр. Мф 7: 3: лат. «*festuca — сучок*», венг. «*...kalász kals drásta...*», чеш. «*suk*».

Автор приводит следующие примеры чешского влияния:

Лк 15: 16: венг. «*maláta*», лат. «*siliqua*», чеш. «*žádaše nacpati své břicho mláta*».

Мф 5: 40; Мф 27: 28: венг. «*palást*», лат. «*pallium*», чеш. «*přidaj jemu i plášč*».

Лк 8: 29: венг. «*retez*», лат. «*catena*», чеш. «*uvázán řetězy*».

Ин 13: 2: венг. «*vacSORa*», лат. «*cena*», чеш. «*večeře*», так и венг. «*vacSORáló hely*» вместо чеш. «*večeřiště*».

Мф 13: 47: венг. «*varsa*», лат. «*sagena*», чеш. Библия дрезденская «*podobno gest kralowstwie nebeske wrssi vpuussczeney v morze*», чеш. Библия оломоуцкая «*nevodu puštěnému v moře*».

Ин 4: 28: венг. «*veder*», лат. «*hydria*». чеш. «*vědra / wiedra*»; интересно, что в Ин 2: 6–7 чешский переводчик вместо лат. «*hydria*» пользуется словом «*špich*», но венгерский снова словом «*veder*» [4, с. 49–52].

Пс. 106: 16: венг. «*zauarokat meg zegte*», лат. «*et vectes ferreos confregit*», чеш. «*zawory zelezne zlamal*».

Автор также обращает внимание и на синтаксические сходства, например в псалме 77 и псалме 102, где вместо единственного числа, употребленного на лат. языке («*Homo, sicut foenum dies ejus, tamquam flos agri sic effloreat*»), стоит множественное число на венг. «*meg viragoznak*» и чеш. «*tak otkwetnu*» [4, с. 94].

В некоторых местах оказываются сходные варианты в венгерском и чешском или в венгерском и немецком переводах, которые отличаются от Вульгаты. Автор предлагает критическое издание всех трех рукописей [4, с. 107].

7. Возможное влияние в Молдавии и Румынии

Гуситское учение нашло отзвук в Молдавии, где местные князья предоставили убежище преследовавшимся религиозным общинам в Европе. Гуситы постепенно прибывали в Молдавию с 1420 г., где также проживало венгерское и немецкое население, к которому гуситы могли присоединиться [3, с. 108]. Вопреки заявлениям католических государей и епископов Европы, молдавские князья, например Александр Добрый (1400–1432), позволяли гуситам проповедовать их учение. Гуситам приписывается и влияние на первые переводы Библии на румынский язык в XV в., на которые действительно влияли новые идеи из Трансильвании, части Королевства Венгрия [15, с. 89; 8, с. 100–111].

Все перечисленное выше, включая поиски возможного чешского источника у румынских переводов, мало изучено и является задачей будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Флоровский А. В. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности // *Sborník filologický*. 1940–1946. № 13. С. 153–128.
- 2 Albert J. Husitství aevropská společnost // *Co daly naše země Evropě alidstvu* / ред.-сост. V. Mathesius. Praha: Sfinx, 1940. С. 81–88.
- 3 Giurescu C. G. Útočiště husitů a jejich střediska v Moldavsku // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity, Řada historická*. 1961. С. 105–120.
- 4 Hadrovics L. A Magyar husita biblia német és cseh rokonsága. Budapest: Akadémiai kiadó, 1994. 145 с.

- 5 *Havránek B.* Staročeská literatura v hlholském písemnictví charvatském // Co daly naše země Evropě a lidstvu / ред.-сост. V. Mathesius. Praha: Evropský literární klub, 1940. С. 52–53.
- 6 *Jansen O.* Český podíl na církevněslovanské kultuře // Co daly naše země Evropě a lidstvu / ред.-сост. V. Mathesius. Praha: Evropský literární klub, 1940. С. 9–20.
- 7 *Iorga N.* Istoria literaturii romanesti. Bucuresti: Editura librăriei Pavel Suru, 1925, 400 с.
- 8 *Jansen O.* Český vliv na středověkou literaturu polskou // Co daly naše země Evropě a lidstvu / ред.-сост. V. Mathesius. Praha: Evropský literární klub, 1940. С. 48–52.
- 9 *Kovács E.* Magyar-cseh történelmi kapcsolatok // Slavia. 1958. С. 137.
- 10 *Kyas V.* Česká předloha nejstarší lužickosrbské jazykové památky // Slavia. 1964. С. 369–374.
- 11 *Kyas V.* K rekonstrukci české předlohystaropolské bible // Česko-polský sborník vědeckých prací. Praha: 1955. № 2. С. 39–67.
- 12 *Kyas V.* Za českou předlohou staropolského mamotrektu // Slavia. 1958. С. 182–187.
- 13 *Kwilecka I.* Uwagi owarsztacie pisarskim Tomasza ze Zbrudzewa // Slavia Occidentalis. 1967. С. 95–100
- 14 *Lewaszkiwicz T.* Łużyckie przekłady biblii. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 1995. 181 с.
- 15 *Macúrek J.* Husitství a rumunské země // Co daly naše země Evropě a lidstvu / ред.-сост. V. Mathesius. Praha: Evropský literární klub, 1940. С. 88–90.
- 16 *Malicki J.* K polské recepci české bible 16. století // Historie-Otázky-Problémy. 2013. № 2. С. 11–22.
- 17 *Olejník V.* Ďalšie výskumy ku Kamaldulskej Biblii // Digitálna prezentácia Kamaldulského prekladu Biblie: zborník. Ružomberok: Katolícka univerzita v Ružomberku, 2012. С. 114–155.
- 18 *Szabó F.* Huszita-e a Huszitabiblia? Bírátelésütkeresés // Irodalomtörténeti Közlemények. 1989. № 1–2. С. 118–125.
- 19 *Urbańczyk S.* Z dawnych stosunków językowych polsko-czeskich I. Biblia królowej Zofii a staroczeskie przekłady pisma św. Kraków: Rozprawy wydziału filologicznego Pol. akad. um., 1946. 182 с.
- 20 *Vašica J.* Bible v české kulturní tradici // Biblica, příloha časopisu Logos. 1949. С. 125–147.
- 21 *Voleková K.* K dalším latinsko českým mamotrektům // Historie — Otázky — Problémy. 2013. № 2. С. 131–140.

***

© 2017. Katarína Džunková
St. Petersburg, Russia

**INFLUENCE OF THE CZECH BIBLE TRANSLATIONS ON OTHER
SLAVIC AND HUNGARIAN BIBLE TRANSLATIONS**

Abstract: The Czech language was the first among Slavic languages, into which in the fourteenth century the Bible was completely translated and later printed (the end of XV century). This translation became the main criterion for Slavic and other languages. Polish translators of the Psalms, mamarrachos and the Bible of Queen Sophia (1455) used the Czech original. With the beginning of printing, the Czech Protestant translation (the Hussites, Czech brethren) and the Roman Catholic religion reached the peak of popularity. An exemplar of the Czech printed Bible by Y. Had (1545) served as a model for the first manuscript translation of the New Testament (1548) into lower Sorbian (in some places it is an entirely unaltered Czech text). The Czech Bible of 1506, issued in Venice, influenced F. Skoryna, 1517–1519 which published in Prague some books of the Bible in the Belarusian recension of the Church Slavonic. The Czech Bible texts were used as a reference guide during processing of the biblical readings of the XVI–XVII centuries, namely: the Peresopnytsia gospel (1556–1561), the Epistles of the AP. Paul to the Laodiceans in Galicia-the Russian manuscript (XVI century), the Song of Songs XV. There are Czechisms in the first Hungarian Bible translation, the so-called “Huszitabiblia,” was carried out in the XV century by Hungarian scientists, who studied at Charles University in Prague. The Czech influence is attributed to the appearance of the first translations of the Holy Scripture into Romanian.

Keywords: biblical interpretation, Czech Bible, Vladimir Kyas, Hussite movement, Czech brethren.

Information about the author: Džunková Katarína — Postgraduate Student, Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 11, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: katarina.dzunkova@seznam.cz

Received: July 21, 2016

Date of publication: March 15, 2017

REFERENCES

- 1 Florovskii A. V. Cheshskaya Bibliya v Istorii russkoi kul'tury i pis'mennosti [Czech Bible in the history of Russian culture and literature]. *Sborník filologický* [Proceedings of Philology], 1940–1946, no 13, pp. 153–128. (In Russian)
- 2 Albert J. Husitst vía evropská společnost [The Hussites and European society]. *Co daly naše země Evropě a lidstvu* [What our lands gave to Europe and mankind], ed.-compiler V. Mathesius, Prague, Sfinx Publ., 1940, pp. 81–88. (In Czech)
- 3 Giurescu C. G. Útočiště husitů a jejich střediska v Moldavsku [Refuge of the Hussites and their centers in Moldavia]. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity, Řada historická* [Studies of Faculty of Arts of Masaryk University, historical series]. Brno, 1961, vol. 10, issue C8, pp. 105–120. (In Czech)
- 4 Hadrovics L. *A Magyar huszita biblia németé s cseh rokonsága* [The Czech and German relatives of Hungarian Hussite Bible]. Budapest, Akadémiaikiadó Publ., 1994. 145 p. (In Hungarian)

- 5 Havránek B. Staročeská literatura v hlaholském písemnictví charvatském [Old Czech literature in Croatian Glagolitic literature]. *Co daly naše země Evropě a lidstvu* [What our lands gave to Europe and mankind], ed.-compiler V. Mathesius. Prague, Sfinx Publ., 1940, pp. 52–53. (In Czech)
- 6 Jansen O. Český podíl na církevněslovanské kultuře. *Co daly naše země Evropě a lidstvu*, ed.-compiler V. Mathesius. Praha, Sfinx, 1940, pp. 9–20. (In Czech)
- 7 Iorga N. *Istoria literature iromanești* [The history of Romanian literature]. Bucharest, Editura librăriei Pavel Suru Publ., 1925. 400 p. (In Romanian)
- 8 Jansen O. Český vliv na středověkou literaturu polskou [Czech influence on Medieval Polish literature]. *Co daly naše země Evropě a lidstvu* [What our lands gave to Europe and mankind], ed.-compiler V. Mathesius, Prague, Sfinx Publ., 1940, pp. 48–52. (In Czech)
- 9 Kovács E. Magyar-cseh történelmi kapcsolatok [Hungarian-Czech historical relations]. *Slavia*, 1958. 137 p. (In Hungarian)
- 10 Kyas V. Česká předloha nejstarší lužickosrbské jazykové památky [Czech background of the oldest Lusatian-Serbian linguistic monument]. *Slavia*, 1964, pp. 369–374. (In Czech)
- 11 Kyas V. K rekonstrukci české předlohy staropolské bible [To the reconstruction of Czech background of Old Polish Bible]. *Česko-polský sborník vědeckých prací* [Czech-Polish scientific studies]. Prague, 1955, vol. 2, pp. 39–67. (In Czech)
- 12 Kyas V. Za českou předlohou staropolského mamotrektu [To the Czech background of Old Polish mamotrekt]. *Slavia*, 1958, pp. 182–187. (In Czech)
- 13 Kwilecka I. Uwagi o warsztacie pisarskim Tomasza ze Zbrudzewa [Notes on the writing workshop of Tomasz from Zbrudzew]. *Slavia Occidentalis*, 1967, vol. 26, pp. 79–107. (In Polish)
- 14 Lewaszkiewicz T. *Łużyckie przekłady biblii* [Lusatian translations of the Bible]. Warsaw, Slawistyczny ośrodek wydawniczy Publ., 1995. 181 p. (In Polish)
- 15 Macůrek J. Husitství a rumunské země [The Hussites and Romanian lands]. *Co daly naše země Evropě a lidstvu* [What our lands gave to Europe and mankind], ed.-compiler V. Mathesius. Prague, Sfinx, 1940, pp. 88–90. (In Czech)
- 16 Malicki J. K polské recepci české bible 16. století [To the Polish reception of the Czech Bible of 16 century]. *Historie — Otázky — Problémy* [History — Questions — Problems], 2013, no 2, pp. 11–22. (In Czech)
- 17 Olejník V. Ďalšie výskumy ku Kamaldulskej Biblii [Further research for the Camaldolese Bible]. *Digitálna prezentácia Kamaldulského prekladu Bibliie: zborník* [Digital presentation of the Camaldolese translation of Bible], Ružomberok, Katolícka univerzita v Ružomberku, 2012, pp. 114–155. (In Slovak)
- 18 Szabó F. Huszita-e a Huszita biblia? Bírálatsútkeresés [Is a Hussite Hussite Bible? Criticism and reflection]. *Irodalom történeti Közlemények* [Literary and Historical Publications], 1989, vol. 1–2, pp. 118–125. (In Hungarian)

- 19 Urbańczyk S. *Z dawnych stosunków językowych polsko-czeskich I. Biblia królowej Zofii a staroczeskie przekłady pisma św.* [From the old Polish-Czech language relations. I. Bible of Queen Zofia and Old Czech translations of Sacred Writings]. Krakow, Rozprawy wydziału filologicznego Pol. akad. um., 1946. 182 p. (In Polish)
- 20 Vašica J. Bible v české kulturní tradici [Bible in Czech cultural tradition]. *Biblica, příloha časopisu Logos* [Biblica, Annex for the journal Logos], 1949, pp. 125–147. (In Czech)
- 21 Voleková K. K dalším latinskočeským mamotrektům [To the further Latin Czech mamotreks]. *Historie — Otázky — Problémy* [History — Questions — Problems], 2013, no 2, pp. 131–140. (In Czech)